

¹⁵ Профессор А. М. Золотарев после возвращения из плена был направлен в концентрационный лагерь и там погиб.

¹⁶ См., например, *Толстов С. П.* Нацмены Ц. П. О. I отчетная выставка работ этнологического подотдела Государственного музея Центральнопромышленной области. М., 1928; Введение в советское краеведение. М.; Л., 1932; Изучение социально-бытового уклада в национальных регионах // Сов. краеведение. 1935. № 9; *Косвен М. О.* Матриархат. История проблемы. М.; Л., 1948; *его же.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953; 2-е изд. М., 1957; *его же.* Семейная община и патронимия. М., 1963.

¹⁷ *Токарев С. А.* Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л., 1936; *его же.* Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945; *его же.* Пережитки родового строя у алтайцев // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 1; *его же.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; *Золотарев А. М.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; *его же.* Происхождение экзогамии // Изв. Академии истории материальной культуры. Т. X. Вып. 2—4. Л., 1935; *его же.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹⁸ См. Сов. этнография. 1988. № 3, 4, 6.

© 1990 г.

Д. Д. Тумаркин, И. К. Федорова

Н. Н. Миклухо-Маклай и остров Пасхи *

Выдающийся русский путешественник и ученый-гуманист Н. Н. Миклухо-Маклай получил известность главным образом благодаря своим пионерным исследованиям на Новой Гвинее, где он провел в общей сложности более трех лет¹. Однако в 1870—1880-годах он посетил также многие другие острова Меланезии, Полинезии и Микронезии, что принесло значительные научные плоды. В этом сообщении мы попытаемся осветить его вклад в изучение традиционной культуры жителей острова Пасхи (Рапануи).

В ноябре 1870 г. из Кронштадта вышел корвет «Витязь», посланный на соединение с русской эскадрой на Тихом океане. В соответствии с просьбой Русского географического общества он должен был доставить на Новую Гвинею натуралиста Николая Миклухо-Маклая. Пока «Витязь» шел от Копенгагена до Плимута, ученый посетил несколько городов в Германии, Бельгии, Голландии и Великобритании. Там он встречался с видными учеными и официальными лицами, чтобы получить рекомендательные письма и консультации по интересовавшим его научным проблемам, приобретал недостающее экспедиционное оборудование².

В Берлине Миклухо-Маклай беседовал с известным путешественником и этнологом Адольфом Бастианом, и тот привлек его внимание к опубликованному в немецком географическом журнале письму чилийского ученого Рудольфо Амандо Филиппи. В письме сообщалось, что в руководимый им музей в Сантьяго поступили две деревянные дощечки с таинственными письменами, привезенные в 1870 г. чилийской экспедицией на корвете «О'Хиггинс» с острова Пасхи. Филиппи цитировал отчет начальника этой экспедиции Игнасио Л. Ганы, который выражал надежду, что эти письмена, будучи расшифрованы, помогут пролить свет как на происхождение островитян Южных морей, так и на их исторические связи с коренным населением Америки. Гана утверждал, что жителям острова Пасхи теперь неизвестно не только содержание вырезанных на дощечках текстов, но даже само назначение этих дощечек³. К письму Филиппи, опубликованному в журнале, была приложена фотолитография одного из оттисков с табличек, сделанных на промокательной бумаге и станиоле.

* В основу сообщения положен доклад, прочитанный на VI Интерконгрессе Тихоокеанской научной ассоциации (Вальпараисо, август 1989 г.).

«Бастиан,— писал Миклухо-Маклай,— не сомневался в том, что тщательно вырезанные строки знаков были действительно письменами» и подчеркивал важность сделанного открытия, ибо это были «первые письмена, найденные у островитян Тихого океана»⁴. Однако вскоре Миклухо-Маклай увидел отпечатки с тех же табличек на заседании Этнологического общества в Лондоне, причем выдающийся биолог Томас Хаксли, демонстрировавший их, «очень сомневался, чтобы на этих досках было изображено что-нибудь шрифтообразное». Хаксли «предполагал, что эти доски могли служить как штемпель при выделывании тапы; он думал также, что эти доски как-нибудь случайно принесены на о. Рапа-Нуи течениями»⁵. Столь решительное расхождение во мнениях двух признанных научных авторитетов еще более возбудило у Миклухо-Маклая интерес к острову Пасхи, о котором он, готовясь к своему путешествию, немало прочитал в книгах русских и западноевропейских мореплавателей, посещавших остров в конце XVIII — первой половине XIX в.

Выйдя из Плимута, «Витязь» пересек Атлантический океан и после стоянки в Рио-де-Жанейро в начале апреля 1871 г. вошел в Магелланов пролив, оказавшись, таким образом, у берегов Чили. 20-дневная стоянка в Пунта Аренас и несколько других остановок в проливе позволили Миклухо-Маклаю сделать интересные наблюдения над природой и населением этого района⁶. Отсюда корвет отправился в Талькауано, а затем в Вальпараисо, где простоял с 3 мая по 2 июня 1871 г.

Натуралист широкого профиля, Миклухо-Маклай воспользовался представившейся возможностью, чтобы собрать максимум научной информации о Среднем Чили. Он неоднократно посещал Сантьяго, совершил ряд экскурсий в глубь страны. Миклухо-Маклаю удалось познакомиться с видными учеными и государственными деятелями, в том числе с министром внутренних дел Белисарио Пратсом, подарившим исследователю комплект географических карт⁷. Но наиболее важное значение имело его знакомство со знаменитым Игнатием Домейко — выдающимся геологом, минералогом и этнологом, ректором Университета в Сантьяго. «Этот весьма ученый и полезный деятель в Чили,— вспоминает Назимов,— обратил внимание на Миклуху и всеми средствами старался познакомить его с всевозможными музеями... Этот же Домейко опубликовал в газетах о пребывании в Вальпарайзо русского корвета, на котором натуралист Миклуха-Маклай отправляется к берегам Новой Гвинеи с целью остаться там для изучения страны»⁸.

Усердно собирая самые различные материалы о Чили, Миклухо-Маклай стремился вместе с тем пополнить свои познания об острове Пасхи. С этой целью он отправился прежде всего в музей в Сантьяго, куда к тому времени уже поступила значительная часть предметов рапануйской культуры, привезенных экспедицией Ганы. «Кроме большого идола из черной лавы,— сообщал Миклухо-Маклай,— в упомянутом музее находятся 4 барельефа: на двух из них изображены человеческие фигуры различного пола; одна сторона третьего плоского камня изображает большую человеческую физиономию, на четвертом барельефе было представлено несколько животных: рыба, рядом животное, похожее на кролика, высеченное около птицеподобного животного с клювом, без крыльев, с руками, имеющими 5 пальцев. Кроме того, там также находились сфинксообразная фигура с человеческим лицом и две такие человеческие фигуры, соединенные спинами вместе и стоящие на коленях. Барельефы были сделаны из мягкого вулканического туфа, который легко обрабатывать»⁹.

Как видно из заметок Миклухо-Маклая, несколько небольших деревянных фигурок, также привезенных экспедицией Ганы, он видел в том же музее и у нескольких лиц в Вальпараисо. «Привезены были с Рапа-Нуи,— писал он,— также небольшие деревянные идолы ($1/2$ — $3/4$ м вышины), которые принадлежат к более поздней эпохе и, вероятно, вырезаны с помощью железных инструментов. Рассматривая эти барельефы и копируя их, я пришел к убеждению, что

они составляют как бы промежуточное звено между большими древними идолами Рапа-Нуи и более новыми художественными произведениями из дерева; некоторые очень характеристические особенности и подробности отделки, также общий характер рисунка и выполнения привели меня к этой мысли»¹⁰.

Особое внимание Миклухо-Маклая, естественно, привлекли две дощечки с письменами. Как узнал русский ученый, участники экспедиции Ганы получили эти таблички на острове Пасхи у французского миссионера Ипполита Русселя¹¹. Тщательно изучив таблички, Миклухо-Маклай пришел к заключению, что «ряды значков действительно изображают письмо и что доски эти не назначались для выделки тапы»¹². Он еще более укрепился в этом мнении после продолжительной беседы с Филиппи, состоявшейся 21 мая. В записной книжке Миклухо-Маклая сохранился заранее составленный список вопросов, которые он задавал Филиппи, и ответы чилийского исследователя¹³.

Не ограничиваясь изучением предметов, привезенных с острова Пасхи, и беседами со специалистами, Миклухо-Маклай сумел во время пребывания в Чили приобрести несколько великолепных образцов рапануйского искусства. Коллекции Миклухо-Маклая, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) в Ленинграде, включают девять предметов с острова Пасхи¹⁴. Это деревянные фигурки *моаи па'ана'а* (колл. 402—1) и *моаи тангата* (колл. 402—2), резные деревянные изображения рыбы и кокосового ореха, соединенные шнуром из человеческих волос со створкой раковины-жемчужницы (колл. 402—201а, б, с), наконечник копья из обсидиана (колл. 402—240), массивный деревянный жезл с навершием в виде двуликой фигуры (колл. 168—192), а также две таблички с письменами, о которых речь пойдет ниже. Авторы статьи о сокровищах рапануйской культуры в МАЭ, собранных русскими путешественниками, смогли установить историю приобретения Миклухо-Маклаем лишь двух предметов из девяти¹⁵. Однако ярлыки к вещам, заполненные самим собирателем и заботливо сохраняемые в МАЭ, позволяют утверждать, что почти все эти вещи попали к Миклухо-Маклаю в Чили: четыре (возможно, пять) из них были подарены ему в Вальпараисо капитаном Раймундо Праделем, а наконечник копья — самим Филиппи. Неизвестны лишь время и место приобретения рапануйского жезла, включенного в другую коллекцию Миклухо-Маклая. Но атрибуция этого предмета не вызывает сомнений.

После месячной стоянки в Вальпараисо «Витязь» начал переход через Тихий океан. В письмах секретарю Русского географического общества и известному немецкому географу Августу Петерманну, отправленных перед отплытием из Вальпараисо, Миклухо-Маклай сообщал, что «корвет зайдет отсюда на остров Пасхи, один из интереснейших островов Тихого океана, и я надеюсь употребить все старания на исследование этой местности», а также «сделать еще некоторые добавления к моим находкам последнего времени»¹⁶.

Хотя Миклухо-Маклай, очевидно, получил от участников экспедиции Ганы некоторые сведения о положении на острове Пасхи, он едва ли представлял себе масштабы развернувшейся трагедии. В декабре 1862 г. перуанские работоторговцы вывезли оттуда примерно 1500 островитян. Почти все они погибли на чужбине. А 15 рапануйцев, возвращенных домой в августе 1863 г., занесли на остров эпидемию оспы и другие заразные болезни. Депопуляция сопровождалась прогрессирующим разрушением местной социальной организации, духовной культуры, всего традиционного жизненного уклада. Свою лепту в этот процесс внесли католические миссионеры. Первый из них, Эжен Эйро, не смог в 1864 г. закрепиться на острове, но в 1866 г. он вернулся сюда вместе с Ипполитом Русселем, и вскоре к ним присоединились еще два посланца Конгрегации святых сердец. Миссионеры, по крайней мере внешне, обратили рапануйцев в христианство. Они приказали уничтожить таблички, покрытые таинственными знаками, а также деревянные «идолов» и другие атрибуты «языческой» религии. В результате большинство этих замечательных памятников

рапануйской культуры было сожжено или спрятано в пещерах и других тайниках¹⁷.

В 1870 г. на остров Пасхи прибыл отставной французский офицер Жан Дютру-Борнье, который решил разводить здесь овец. Вскоре он поссорился с миссионерами и разжег между островитянами кровавую междоусобицу. Незадолго до прихода «Витязя» последний миссионер, И. Руссель, вынужден был покинуть Рапануи, взяв с собой более 200 островитян¹⁸.

24 июня 1871 г. «Витязь» подошел к острову Пасхи и лег в дрейф у его западного берега, на рейде Хангароа. Вскоре к судну подошли две шлюпки с тремя европейцами (Дютру-Борнье и его помощниками) и несколькими гребцами-рапануйцами. Дютру-Борнье сообщил, что намеревается создать на острове большое овцеводческое ранчо и что его компаньоном является богатый английский купец и судовладелец Джон Брандер, поселившийся на Таити. Он добавил, что Руссель с большой группой островитян отправился на Таити, что на Рапануи осталось около 230 коренных жителей и что то же судно, на котором отбыл Руссель, вскоре вернется за еще одной большой партией островитян. Этот рассказ произвел самое тяжелое впечатление на русского ученого и его спутников. Впоследствии (на Мангареве и Таити) Миклухо-Маклай узнал на миссионеров дальнейшие подробности и подоплеку развернувшихся событий. «Туземцы, видя, что их жилища сожжены, плантации бататов разрушены, уstraшенные поступками Борнье, согласились выселиться на Таити и на условие проработать известное время на плантациях Брандера, который, таким образом, благодаря ловкости своего агента, получил почти целый остров для разведения овец и, кроме того, сотни дешевых рабочих на свои плантации»¹⁹.

Принимая во внимание, что «в это время года Рапа-Нуи, имеющий только открытые рейды, не представляет безопасной якорной стоянки», что Русселя, от которого на корвете имелись письма и посылки, уже нет на острове, да и всю сложившуюся здесь тягостную обстановку, капитан Назимов отменил намеченную высадку. «Часа через два,— вспоминает Миклухо-Маклай,— мы снялись с дрейфа, видевши только очертания Рапа-Нуи, десяток туземцев и трех разводителей овец»²⁰. Перед уходом офицеры корвета снабдили трех европейцев «французскими и английскими журналами и сигарами», «а с туземцами поделились бельем, шапками, различными безделушками и расстались с ними дружелюбно, пожелав им всего лучшего»²¹. «Очень сожалел я,— рассказывает Миклухо-Маклай,— и досадно мне было, находясь в виду острова, не побывать на нем, не осмотреть тех важных документов прежней жизни островитян, которые делают о. Рапа-Нуи единственным в своем роде из всех островов Тихого океана»²². Однако вскоре ученому удалось хоть отчасти наверстать упущенное.

После однодневной стоянки у острова Питкэрн «Витязь» 8 июля подошел к островам Мангарева (Гамбье) и простоял здесь шесть дней. На главном острове этой группы, давшем ей название, Миклухо-Маклай неожиданно встретился с Русселем и его паствой. «Эти бедные люди, в числе около 250 человек,— пишет он,— взятые на маленькую шхуну, очень пострадали во время перехода, хотя и продолжавшегося не более десяти дней. Недостаток свежего воздуха в трюме и недостаток порядочной пищи были причиной, что несколько человек умерло дорогой, другие, совсем больные, приехали на Мангареву и между последними двое уже успели умереть на острове»²³. «Причина, по которой они остались здесь,— утверждает Миклухо-Маклай,— та, что, привезенные на Таити, они бы должны были поступить рабочими (почти что рабами) на плантации Брандера, владельца судна, которое их забрало; здесь же они оставались свободными»²⁴.

Поселившись в домике, стоявшем на морском берегу, Миклухо-Маклай принялся собирать сведения как о местных жителях, так и особенно о переселенцах с острова Пасхи. Он не только подолгу беседовал с Русселем, но, исполь-

зовав его в качестве переводчика, расспрашивал самих рапануйцев об их жизни на родине, обычаях, статуях, табличках с письменами и т. д. Ученый сделал также несколько карандашных портретов, в том числе рапануйской девушки с традиционной татуировкой²⁵.

Отвечая на вопросы о деревянных табличках с рядами знаков, привезенных в Чили экспедицией Ганы, Руссель сообщил немало интересного. «Туземцы,— передает ученый содержание его ответов,— называют их „Кохау ронгоронго“, что в переводе приблизительно означает „говорящее“ или „понятное дерево“. Туземцы далее уверяют, что по этим табличкам можно было узнать о важных событиях, происшедших на острове, и что знаки, вырезанные на досках, были понятны их отцам, которые сами могли вырезать такие же; в настоящее время на всем Рапа-Нуи не находится, однако же, ни одного человека, который бы мог разбирать эти знаки»²⁶.

Миклухо-Маклай продолжил свои расспросы и наблюдения в конце июля 1871 г. во время 11-дневной стоянки «Витязя» в гавани Папезте на острове Таити. К сожалению, ученый не успел написать для своих очерков раздел о пребывании на этом острове (в разделе «Рапа-Нуи» приводятся лишь некоторые данные о табличках, увиденных им на Таити). Поэтому в этом случае основным источником для нас является одна из его записных книжек. Наиболее интересны в ней записи о его встречах с католическим епископом монсеньером Жоссаном²⁷.

Флорентьену Этьенну (Тепано) Жоссану принадлежит видное место в истории изучения рапануйской культуры, особенно *кохау ронгоронго*. Случайно узнав о существовании на острове Пасхи плоских деревянных дощечек, покрытых рядами искусно вырезанных знаков²⁸, он сумел оценить огромное культурное значение этих предметов и приказал находившимся там миссионерам прислать ему столько дощечек, сколько удастся отыскать. В результате миссионеры, немало сделавшие для их уничтожения, в 1868—1869 гг. прислали ему пять табличек и с полдюжины других образцов резьбы по дереву, имевших сакральное или церемониальное значение²⁹. Более того, узнав, что среди рапануйцев, работающих на плантациях Брандера на Таити, имеется человек по имени Меторо Тау а Уре, выдающий себя за знатока *кохау ронгоронго*, он в 1870 г. пригласил его к себе и попросил прочитать (вернее, пропеть) тексты, запечатленные на табличках, причем тщательно записал услышанное. «Чтения Меторо» по-разному оцениваются современными исследователями³⁰. Но так или иначе, это была первая попытка приступить к дешифровке *кохау ронгоронго*.

Жоссан показал русскому ученому несколько табличек, которые тот обмерил и описал³¹. И хотя не все измерения достаточно точны (возможно, из-за примененного Миклухо-Маклаем метода обмера), можно утверждать, что он видел таблички Тахуа (табл. А., по Бартелю), Аруку-куренга (В), Кохау-о-те-ранга (С) и Ка-ихиунга (D). У Жоссана тогда имелась по крайней мере еще одна дощечка — Апаи (Е), ибо она фигурировала в «чтениях Меторо»³². Но Миклухо-Маклай либо ее не видел, либо не успел обмерить и описать.

Изучив таблички, ученый выделил некоторые общие их особенности. «Виденные мною таблицы были различной величины и из различного дерева; это различие можно, как мне кажется, объяснить большим недостатком дерева, который заставляет туземцев употреблять для многих целей дерево, прибитое к берегу. Некоторые из таблиц, о которых идет речь, носят на себе следы долгого пребывания в воде; одна из них была не что иное, как широкий конец европейского весла... На различных таблицах высота фигур изменялась, но на той же доске была почти везде одинаковой. Обе стороны досок покрыты этими знаками, которые расположены рядами в длину доски; между строками не находится промежутков. Характеристично также то, что положительно вся поверхность таблиц покрыта этим шрифтом: все выемки, неровности, края показывают вырезанные фигуры. Особенность в распределении строк состоит в том,

что, если захочешь проследить строку, приходится перевернуть всю таблицу, чтобы перейти к следующей (эту особенность легко найти, если обратить внимание на головы фигур)... Очень многие из фигур представляют животных. Встречаются на таблицах многочисленные повторения той же фигуры, причем та же фигура остается неизменной или показывает изменение в положении частей фигуры... Некоторые фигуры соединены по две вместе, реже по три и более. Рассматривая ряды этих знаков, приходишь к заключению, что здесь имеешь дело с самою низкою ступенью развития письма, которую называют идейным шрифтом»³³.

Покоренный энтузиазмом молодого ученого, его обширными познаниями и стремлением разгадать тайны *кохау ронгоронго*, Жоссан сделал ему драгоценный подарок — вручил одну из табличек³⁴. В МАЭ хранятся две дощечки с письменами, привезенные Миклухо-Маклаем (колл. 402—13 а, б), — ленинградская большая и ленинградская малая (Р и Q, по Бартелю)³⁵. Трудно сказать, какая из них подарена епископом. Но несомненно, что она не относится к пяти дощечкам, поступившим к Жоссану в 1868—1869 гг. Можно предполагать, что Руссель прислал эту дощечку епископу со шхуной, которая доставила его и рапануйцев на Мангареву, а затем отправилась на Таити, т. е. в июне-июле 1881 г. Что же касается второй таблички, находящейся в коллекции Миклухо-Маклая, то он, вероятно, приобрел ее у рапануйцев, попавших на Мангареву или Таити. Во всяком случае, он отмечает, что видел такие таблички у «туземцев Рапа-Нуи»³⁶.

Встречи с Миклухо-Маклаем были, очевидно, бесполезными и для Жоссана. Ученый поделился с ним своими соображениями о характере *кохау ронгоронго* и закономерностях в развитии систем письма, рассказал о том большом интересе, который выдающиеся европейские ученые проявили к сообщению об обнаружении дощечек с письменами на острове Пасхи. Это, несомненно, стимулировало дальнейшее изучение Жоссаном *кохау ронгоронго* и других памятников исчезающей рапануйской культуры. Основные итоги своих разысканий он изложил в труде, который был опубликован лишь в 1893 г., через год после смерти автора³⁷.

Учитывая важность материалов об острове Пасхи, которые ему удалось собрать, Миклухо-Маклай решил подготовить их к печати до начала своего длительного и чреватого непредсказуемыми последствиями пребывания на Новой Гвинее. В августе-сентябре 1871 г., во время плавания «Витязя» от Таити до Новой Гвинеи (с заходами на Самоа, Ротуму и Новую Ирландию), он написал для журнала Русского географического общества очерки «Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева», в которых основное внимание уделил обитателям острова Пасхи и их культуре. Еще раньше, в середине августа, он закончил небольшую статью о *кохау ронгоронго* для немецкого журнала, где ранее было напечатано письмо Филиппи. Переправленные Назимовым в Европу, оба текста были опубликованы в 1872 г.

Если принять во внимание, в каких условиях ученый собирал и обрабатывал материалы об острове Пасхи, его очерки поражают своей многогранностью и информативностью. Автор рассказал в них о трагическом положении, сложившемся на острове, попытался объяснить причины вымирания рапануйцев и их переселения на Мангареву, сообщил некоторые сведения об их антропологическом типе, верованиях и обычаях, в том числе о культе птицы-человека и связанных с ним ежегодных обрядах и церемониях. Ученый обобщил доступную ему информацию о больших каменных статуях, отметив, что «многие стоят, другие опрокинуты, но еще целы», что «в некоторых местах можно было еще видеть, как они в прежнее время стояли именно на высоких платформах или алтарях»³⁸. Он рассказал также, как мы уже знаем, о каменных барельефах, мелкой каменной и деревянной скульптуре, попытался выявить взаимосвязи между различными формами рапануйского пластического искусства. Но, пожалуй, лейтмотивом стал рассказ о том, как он изучал *кохау ронгорон-*

20 — от беседы в Берлине с Бастианом до встреч с епископом Жоссаном.

Статья о деревянных табличках с письменами в немецком журнале³⁹ в основном идентична соответствующей части очерков. Бастиан сопроводил ее публикацию пространным комментарием, в котором высоко отозвался об этом «ценнейшем сообщении», и, отталкиваясь от него, вступил в полемику с двумя крупнейшими немецкими специалистами по Полинезии, Георгом Герландом и Карлом Майнике, по таким общим проблемам, как происхождение полинезийцев и их исторические связи с американскими индейцами, высказал умозрительные суждения о том, что могут поведать тексты *кохау ронгоронго*⁴⁰.

«Обдумывая все виденное и слышанное об древностях Рапа-нуи... я невольно прихожу к убеждению, — говорится в черновике очерков, — что исследование острова может принести много интересных и важных данных, больше, чем можно было до сих пор предполагать, и желаю полного успеха знающему человеку, который будет счастливее меня и не только увидит очертания холмистого Рапануи, а посетит остров с целью разрешить важные вопросы»⁴¹. Ученому не удалось вернуться к разработке этой проблематики. Но он все же внес определенный вклад в изучение «острова тайн».

Более того, то немногое, что Миклухо-Маклай смог опубликовать, привезенные им прекрасные образцы рапануйского искусства и особенно две таблички *кохау ронгоронго* через несколько десятилетий дали импульс возникновению в его родной стране целого направления междисциплинарных исследований — рапануистики. Эти исследования ведутся главным образом в ленинградской части Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. Уже три поколения советских исследователей планомерно изучают *кохау ронгоронго*. Достигнуты значительные успехи в анализе системы письма, выдвинуты убедительные аргументы в пользу ее местного происхождения, сформулированы интересные гипотезы относительно содержания изучаемых текстов, предложены различные варианты прочтения отдельных фрагментов, но в целом проблема дешифровки еще не решена. Трудности дешифровки усугубляются малым числом сохранившихся текстов и тем, что записи, по-видимому, сделаны на рапануйском языке, отличном от современного. Поэтому советские ученые, занимающиеся дешифровкой, ведут исследование широким фронтом, тщательно изучая историю и традиционную культуру острова Пасхи, анализируя все доступные фольклорные тексты и попытки «чтения» *кохау ронгоронго* отдельными местными жителями, реконструируют особенности рапануйского языка на различных этапах его развития⁴². У истоков этих исследований стоял Николай Миклухо-Маклай.

Примечания

¹ См. Тумаркин Д. Д. Миклухо-Маклай и его наследие (к 100-летию со дня смерти) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1988. № 2. С. 3—15; Tumarkin D. Miklouho-Maclay and New Guinea // *Miklouho-Maclay N. Travels to New Guinea. Diaries. Letters. Documents*. М., 1982. Р. 5—56.

² Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. М.; Л., 1953. С. 55—60; Назимов П. Н. Записка о пребывании натуралиста Миклухо-Маклая на корвете «Витязь»... и о доставлении его на остров Новая Гвинея в заливе Астролябия // СЭ. 1986. № 1. С. 74—75 (публикация Б. П. Полевого).

³ Philippi R. A. Ein inschriftliches Denkmal von der Oster-Insel // *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*. В. 5. Hf 5. В., 1870. S. 469—470.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева // Изв. РГО. Т. 8. Вып. 2. М., 1872. С. 47.

⁵ Там же.

⁶ Записи Миклухо-Маклая, сделанные во время пребывания в Рио-де-Жанейро и Магеллановом проливе, были впервые опубликованы лишь в 1950 г. (Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 13—44). О пребывании ученого в Чили см.: Полевой Б. П. Миклухо-Маклай в Чили // Латинская Америка. 1988. № 10. С. 134—139. К сожалению, в этой интересной статье, частично основанной на архивных источниках, встречаются отдельные фактические неточности.

⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 2 (февраль—май 1871 г.) // Архив Географического общества СССР (далее — АГО). Ф. 6. Оп. 1. № 23. Л. 18, 27, 32, 34, 39.

⁸ Назимов П. Н. Указ. раб. С. 77. О Домейко см., например: Грицкевич В. П. Игнатий До-

мейко // Изв. РГО. 1981. № 5. С. 447—451. *Amanátegui M. L. Ignacio Domeyko. Santiago de Chile, 1952.*

⁹ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 46. Почти все предметы, упомянутые Н. Н. Миклухо-Маклаем, хранятся ныне в Национальном музее естественной истории в Сантьяго, где имеется специальный отдел, посвященный острову Пасхи. «Животное, похожее на кролика» — антропоморфное существо с поднятыми вверх лицом и руками; сходные изображения в разных ракурсах представлены в текстах на дощечках *кохау ронгоронго*. «Птицеподобное животное с клювом» — изображение птицы-человека (*тангата ману*). Двойная человеческая фигурка (в виде сиамских близнецов) считается ныне утраченной и известна лишь по репродукции с оригинальной фотографии.

¹⁰ Там же. С. 46—47.

¹¹ *Maclay N. Ueber die «Kohau rogo rogo» oder die Holztafeln von Rara-Nui // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. V. 7. H. 1. B., 1872. S. 79.*

¹² Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 47—48.

¹³ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 2. Л. 29—30.

¹⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 5. М.; Л., 1954. С. 399, 408, 411—413.

¹⁵ Будинов Н. А., Розина Л. Г. Коллекции с о. Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. Т. 18. М.; Л., 1958. С. 307.

¹⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 68, 70—71.

¹⁷ *Metraux A. Easter Island. A Stone-Age Civilization of the Pacific. L., 1957. P. 46—55. Heyerdahl T. The Art of Easter Island. L., 1976. P. 44—47; McCall G. Rapanui. Tradition and Survival on Easter Island. L., 1981. P. 55—59.*

¹⁸ *Heyerdahl T. Op. cit. P. 53; McCall G. Op. cit. P. 60—61.* Миклухо-Маклай и Назимов сообщают, что Руссель покинул остров Пасхи за три недели до визита «Витязя» (Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 42; Извлечение из рапорта командира корвета «Витязь» капитана 2-го ранга Назимова. Алия, 10 августа 1871 г. // Морской сборник. 1872. № 2. Морская хроника. С. 6). Однако Хейердал утверждает, что отъезд Русселя произошел за три месяца до посещения «Витязем» острова Пасхи (*Heyerdahl T. Op. cit. P. 53*).

¹⁹ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 42—44.

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ Перелешин В. П. Путевые впечатления во время плавания от Вальпарайсо до Нагасаки на корвете «Витязь» // Морской сборник. 1872. № 3. Неофиц. отдел. С. 12—14.

²² Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 45.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Там же. С. 52—53. В рапорте Назимова от 10 августа 1871 г. по этому поводу сообщалось: «На Мангареве мы нашли до 150 человек дикарей с острова Пасхи, не пожелавших отправиться в рабство к господину Брандеру на Таити» (Извлечение из рапорта. С. 8). Очевидно, часть рапануйцев была переправлена на той же шхуне с Мангаревы на Таити. О судьбе рапануйцев, переселенных на Таити, см.: *Metraux A. Op. cit. P. 56; McCall G. Op. cit. P. 139—140.*

²⁵ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3 (июнь—август 1871 г.) // АГО. Ф. 6. Оп. 1. № 72. Л. 4—7; *его же*. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. М. 53—54; *его же*. Собр. соч. Т. 1. С. 65, 67; Т. 5. С. 30—31.

²⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 48. В черновике очерков эта часть рассказа Русселя изложена так: «Эти таблицы действительно покрыты письменами, некогда употребляемыми на о. Рапануи. Это общее мнение туземцев. Старики утверждают положительно, что их отцы и деды умели читать написанное и что на этих досках вырезана история их острова. Указывали даже на одного из живущих стариков, что он умеет читать эти таблицы. Опрошенный г. Русселем, он уверял, однако ж, что не может понимать старого письма» (черновик очерков Н. Н. Миклухо-Маклая «Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева» // Архив АН СССР в Ленинграде. Ф. 143. Оп. 1. № 14. Л. 31. об.). В черновике очерков (л. 28—38) Миклухо-Маклай предпочитает писать «Рапануи», но в их заглавии (л. 27 об.), написанном, по-видимому, несколько позже, он передает этот топоним в транскрипции «Рапа-Нуи».

²⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3. Л. 8, 20, 22.

²⁸ Один из миссионеров, Гаспар Зумбом, побывав на Таити, привез Жоссану в подарок от только что обращенных в христианство рапануйцев длинный шнур, сплетенный из человеческих волос. Он был намотан на старую дощечку с обломанными краями. Жоссан обратил внимание, что она покрыта какими-то письменами (*Metraux A. Op. cit. P. 183*).

²⁹ *Jaussen T. L'île de Pâque. Historique-Écriture. P., 1893. P. 12—17; Heyerdahl T. Op. cit. P. 47.*

³⁰ *Barthel Th. Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift. Hamburg, 1958; Heyerdahl T. Op. cit. P. 204—205; Будинов Н. А. Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории (в связи с *кохау ронгоронго*) // СЭ. 1982. № 6. С. 51—65; Федорова И. К. Тексты острова Пасхи (Рапануи) // СЭ. 1983. № 1. С. 42—53.*

³¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3. Л. 8; *его же*. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 49.

³² *Barthel Th. Op. cit. S. 14—21.*

³³ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 48—49. Под «идейным шрифтом» Миклухо-Маклай подразумевает рисуночное идеографическое письмо.

³⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Записная книжка № 3. Л. 8.

³⁵ Первая публикация этих табличек, осуществленная в 1925 г. ленинградским ученым А. Б. Пиотровским во французском журнале, сделала их известными исследователям, изучающим культуру острова Пасхи. См. *Piotrowski A. B. Deux tablettes, avec les marques gravées, de l'île de Pâque de la collection de N. N. Mikloukho-Maclay // Revue d'ethnographie et des traditions populaires.* Т. 6. № 23—24. Р., 1925. Р. 425—431.

³⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 48. Бартель полагает, что Жоссан подарил русскому ученому табличку Р («ленинградскую большую»), но этот вывод недостаточно аргументирован. См. *Barthel Th.* Op. cit. S. 28.

³⁷ *Jausse T.* Op. cit.

³⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Острова Рапа-Нуи, Питкаирн и Мангарева. С. 46.

³⁹ *Maclay N.* Op. cit.

⁴⁰ В <astian A.>. Bemerkungen zu den Holztafeln von Rapa-Nui // *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.* В. 7. Н. 1. S. 81—89.

⁴¹ Черновик очерков Н. Н. Миклухо-Маклая. Л. 31—32.

⁴² См., например, *Piotrowski A. B.* Op. cit.; *Ольдерогге Д. А.* Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи (по неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева // СЭ. 1947. № 4. С. 234—238; *Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В.* Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // СЭ. 1956. № 4. С. 77—91; *Тумаркин Д. Д.* Основные направления этнографического изучения народов Океании в СССР в 1961—1986 гг. // СЭ. 1988. № 4. С. 141—150 (см. здесь библиографию проблемы); *Федорова И. К.* Мифы и легенды острова Пасхи. Л., 1988. *Fedorova I. K.* Petroglyphs of Easter Island // *Questions of Ethnic Semantics. Forgotten Systems of Writing.* 12-th Internat. Congr. Anthropol. and Ethnol. Sciences. М., 1988. Р. 82—104.